

**О ГРАМОТЕ ВСЕВОЛОДА МСТИСЛАВИЧА
НА ТЕРПУЖСКИЙ ПОГОСТ ЛЯХОВИЧИ
НА р. ЛОВАТИ (К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ
ФЕОДАЛЬНОЙ ВОТЧИНЫ)**

Жалованная грамота Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати относится к числу уникальных документов XII в., характеризующих ранние формы поземельных отношений в Новгородской земле и пути образования крупных вотчин. Не случайно к ней постоянно обращаются исследователи, высказывая порой диаметрально противоположные суждения. Грамота датируется периодом пребывания Всеволода Мстиславича на новгородском столе (1117—1136), а детальное совпадение ее формуляра с формуляром жалованной грамоты Всеволода Юрьеву монастырю на княжескую рель позволило В. Л. Янину отнести ее к 1134 г.¹

В жалованной грамоте на Терпужский погост Ляховичи, полагала С. А. Тараканова-Белкина, содержатся «наиболее ранние указания на общину-погост» и этим подтверждается само «существование земельной общины на новгородских землях».² Эта грамота, отмечал М. Н. Тихомиров, свидетельствует в числе прочих, что «в Новгородской земле первой половины XII в. происходил усиленный процесс захвата общинных земель феодалами».³ По мнению Л. В. Черепнина, монастырю были переданы черные земли, населенные крестьянами.⁴ Б. Д. Греков, А. Л. Шапиро, А. А. Зимин, И. Я. Фроянов, В. Л. Янин считали, что речь идет о землях из состава княжеского поме-

---

¹ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 77.

² Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939. С. 31.

³ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 34.

⁴ Черепнин Л. В. Русь : Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—X вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма: (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 154.

на.⁵ При этом А. Л. Шапиро подчеркивал, что в грамоте ничего не говорится о пахотных землях, а речь идет о холопах, охотничьих и бортных угодьях.⁶ В. Л. Янин, напротив, писал, что «монастырю передавались пахотные и сенокосные угодья в районе, наиболее богатым плодородными почвами».⁷

Очевидно, что при таком разнообразном спектре мнений принципиальное значение имеет возможно более точная локализация княжеского пожалования и оценка степени земледельческого освоения этих мест в древности. Оказывается, однако, что определение границ волостки было предпринято в литературе лишь один раз — В. Л. Яниным.⁸

Приведем текст грамоты: «Се аз князь великий Всеволод дал есмь святому Георгию Терпужьскыи погост Ляховичи с землею, и с людьми, и с коньми, и лес, и борти, и ловища на Ловати, а по Ловати на низ по конец Водоса, за рекою за Любытиною по большии мхи, с больших мхов на верх межъника, с того межъника на Каменничища на усть Березна, со обе стороны межъник ввѣрх Березна, по обе стороны ввѣрх Березна на верх Глистьны по чистыи мох, от Морее с верх Глистьне на верх Робьи Ильмны, с верх Робьи на верх Лебединьца, с верх Лебединьца на верх Възвада, с верх Възвада на верх Городьни, на низ по одной стороне до Робьи. А то дал есмь святому Георгию во веки. А хто поступитъ, судитъся со мною перед Георгиемъ в сии век и в будущи».⁹

Для определения границ этого дарения Всеволода Мстиславича В. Л. Янин обратился к анализу Переписной оброчной книги Деревской пятины, составленной около 1495 г., где подробно описана волость Юрьева монастыря в Курском присуде, в Черенчинском погосте.¹⁰ Из 28 упомянутых в волости насе-

---

⁵ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1952. Т. 1. С. 264; Шапиро А. Л. Складывание крупного вотчинного землевладения // Аграрная история Северо-Запада России : Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971. С. 67; Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973. С. 262; Фроянов И. Я. Киевская Русь : Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 10; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 243 и др.

⁶ Шапиро А. Л. Складывание крупного вотчинного землевладения. С. 67.

⁷ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 239; см. также: Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 154.

⁸ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 231—239. В первоначальном варианте см.: Янин В. Л. Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 23—31.

⁹ ГВНиП. С. 139—140. № 80.

¹⁰ НПК. Т. 2. СПб., 1862. Стб. 617—621.

ленных пунктов («деревень 27 да починок») убедительно локализируются 24, местоположение остальных достаточно вероятно. В результате была определена достоверная граница волости Юрьева монастыря на конец XV в.¹¹ Она охватывала правый берег Ловати на протяжении более 10 км от д. Ляховичи до устья р. Робьи Великосельской, все течение и весь бассейн р. Робьи Великосельской выше впадения в нее р. Робьи Сорокопенской,¹² низовья р. Робьи Заробской и р. Закорытну (рис. 1). По подсчетам В. Л. Янина, общая протяженность владений монастыря с севера на юг — около 40 км, с запада на восток — около 20 км.¹³ Затем в очерченных пределах данной волости ученый локализовал ряд гидронимов из грамоты XII в., придерживаясь мнения о принципиальном соответствии границ владений монастыря в XII и в XV столетиях.¹⁴

На данном вопросе следует остановиться подробнее. Обратимся к четко установленным гидронимам грамоты XII в.: «На верх Глистьны по чистый мох, от Морее с верх Глистьне на верх Робьи Ильмны». Речка «Глистьна», безусловно отождествляется с р. Блесной (иначе Близной), впадающей в р. Робью Великосельскую выше д. Шубино. Близ истока р. Блесны, у д. Малый Остров находится обширное болото размерами приблизительно 3×5 км — «чистый мох» грамоты XII в. «Морея» у «верх Глистьны», как справедливо отметил В. Л. Янин, это, конечно, Усть-Моревский десяток волости Морева на р. Поле, граничивший именно здесь с юрьевскими владениями.¹⁵ «Робья Ильмна» — очевидно, древнее название р. Робьи Великосельской, которая берет начало в упомянутом обширном болоте.

Далее вежа грамоты также понятна: «с верх Робьи на верх Лебединьца, с верх Лебединьца на верх Въздада, с верх Въздада на верх Городьни, на низ по одной стороне до Робьи». Ручей Лебединец так называется и в наши дни и является левым притоком Робьи Великосельской¹⁶ (В. Л. Янин ошибочно считал его правым притоком р. Робьи Заробской). Существует сейчас и ручей Городня, по которому межа шла вплоть до р. Робьи. На современных картах Городня показана впадаю-

¹¹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 231—235. Карта.

¹² Робья Сорокопенская считается притоком р. Робьи Великосельской, а не наоборот, как полагал В. Л. Янин (Пылаев В. А. Старорусский край. Природа и население. Новгород, 1929. С. 37. Карта; ср.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 234 и след.).

¹³ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 238.

¹⁴ Там же. С. 235—238.

¹⁵ Там же. С. 237.

¹⁶ Пылаев В. А. Старорусский край. С. 37. Карта.

шей в ручей Болдыниху и тот уже впадает в р. Робыю Заробскую, а, судя по грамоте XII в., тогда Городьней называлось все течение речки. От места впадения Городни в р. Робыю Заробскую у д. Пинаевы Горки граница волостки шла к д. Ляховичи на р. Ловати (расстояние около 4 км).

Достаточно вероятно устанавливается и восточная граница пожалованья. В грамоте читаем: «на Каменичища на усть Березна, со обе стороны межъник вврх Березна, по обе стороны вврх Глистьны». Никакой речки Березны сейчас мы не знаем, но к р. Глистьне (Блесне) подходят истоки р. Кокоринки, впадающей в р. Робыю Сорокопенскую. В. Л. Янин вполне логично заключил, что в древности Березной и называлась р. Кокоринка, в низовьях которой стоит д. Березовец¹⁷ (нынешнее название речки пошло от д. Кокорино, расположенной в отличие от д. Березовец не на самой речке, а напротив ее устья на правом берегу р. Робыи Сорокопенской).

Таким образом, вся южная часть княжеского пожалованья Юрьеву монастырю достаточно уверенно может быть установлена по сохранившимся до наших дней полностью или с некоторыми изменениями гидронимам и топонимам, упомянутым в самой грамоте XII в. (Глистьна, Робыя Ильменная, Лебединец, Городня, Робыя, Морева).

Гораздо сложнее вопрос о северной границе волости, пожалованной Юрьеву монастырю. Межа шла «по Ловати на низ по конец Водоса, за рекою за Любытиною по большии мхи, с больших мхов на врх межъника, с того межъника на Каменичища на усть Березна». «Ни топонимика писцовых книг, ни современная карта, — писал В. Л. Янин, — не знают ни Водоса, ни Любытины в интересующем нас районе».¹⁸ Считая «Водос» вслед за издателями грамоты названием реки и полагая, что границы владений Юрьева монастыря в XII и в XV вв. совпали, ученый предположил, что Водос — наименование нижнего течения р. Робыи Великосельской после впадения в нее р. Робыи Сорокопенской, а далее соответственно межа шла за р. Закорытной (в древности — р. Любытина) к устью р. Березны.¹⁹

Подобная реконструкция границ пожалованья вызывает сомнения, прежде всего трудно согласиться с интерпретацией слова «водос». Р. Робыя Великосельская, как мы видели, в XII в. носила название Робыи Ильмны и нет веских оснований

¹⁷ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 236.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

думать, что 3—4 км ее течения в низовьях имели не общее для всей этой сравнительно небольшой реки наименование, а особое — «Водос». Кроме того, в грамоте Всеволода, если речь идет о реках и ручьях, то употребляются характеристики — «устье», «верх», «на низ», «на верх», а в данном случае необычное — «по конец водоса».

В силу сказанного думаю, что водос в грамоте XII в. это не гидроним и его следует объяснять, исходя из этимологического значения самого слова. В словаре В. И. Даля — «водос» (вят.) пойма, поемное место.²⁰ Известный топонимист А. И. Попов объясняет значение этого слова как «пойма», «заливной луг» и называет при этом и другие близкие диалектные слова — «водосъемный» («заливной» — о лугах), «водососина» («топкое место»);²¹ Топоним «водос» широко бывал в древности в центре Новгородской земли. В новгородских писцовых книгах мы встречаемся с ним неоднократно. В Шелонской пятине упомянуты деревни Водос в Турском и Ретенском погостах, в Деревской пятине — д. Водос в Локотском погосте, д. Водосно в Курском погосте и пожня Водос в Городенском погосте, в Бежецкой пятине — д. Водоси в погосте Волок Держков, в Вотской пятине — село Водосы на речке Водосе в Грузинском погосте.²² Полагаю, что фразу жалованной грамоты «а по Ловати на низ по конец водоса» читать следует буквально — «вниз по Ловати до конца поймы». И в рассматриваемом микрорайоне это имеет вполне конкретный смысл.

Д. Ляховичи расположена на крутом ловатском берегу, возвышающемся на несколько десятков метров над уровнем воды. Сразу за местом погоста (ныне занятом кладбищем) по правому берегу Ловати раскинулась огромная пойма шириной 0,5 км и длиной 3 км. Граница межи вполне определена — от места погоста до самого конца данной поймы.

Затем граница шла «за рекою за Любытиною по большим мхи, с больших мхов на верх межъника, с того межъника на Каменичища на усть Березна». Контекст фразы определенно говорит о меже, пересекающей р. Любытину. В конце ляховичской поймы в Ловать впадает ручей, протекающий почти па-

²⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 219.

²¹ Попов А. И. Следы времен минувших : Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981. С. 59.

²² НИК. СПб., 1859. Т. 1. Стб. 290; СПб., 1862. Т. 2. Стб. 95, 594; СПб., 1868. Т. 3. Стб. 445—447; СПб., 1886. Т. 4. Стб. 61, 492; СПб., 1910. Т. 6. Стб. 985, 1008.

раллельно реке и отделяющий пойму от высокого коренного берега (ручей показан и на карте, опубликованной В. Л. Яниным). Может быть, он и носил в XII в. название Любытины. Далее как ориентиры упомянуты болото—Межник—усть Березна. К востоку в 1,5 км от Ловати действительно есть обширное болото в междуречье рек Робы Заробской и Робы Великосельской; для локализации Межника (видимо, ручья, так как у него есть «верх») данных нет, а «усть Березна», — это уже рассмотренное нами устье левого притока р. Робы Сорокопенской. Если провести между прямо на восток от конца ляховичской поймы (водоса), «за» ручей, через «мхи», то она как раз и подойдет к устью Березны. Укажу, что на довоенных картах в 1,5 км ниже устья значится деревушка Межник. Таким образом, по моему мнению, волостка Ляховичи в первой половине XII в. была значительно меньше, чем ловатская волость Юрьева монастыря в конце XV в. В XII в. она включала на Ловати только само поселение Ляховичи с прилегающей поймой, а в основном уходила в сторону от Ловати на территорию бассейна среднего и верхнего течения р. Робы Великосельской. Волостка имела приблизительные размеры 7—14×25 км (рис. 1).

Подобная локализация княжеского пожалованья XII в. находится в соответствии с выгодами географического расположения земель, переданных монастырю, и с этапами земледельческого освоения района. Прежде всего оказывается, что кратчайший зимний путь из Новгорода и Руссы на р. Полу к Мореве и Велилам проходил как раз вдоль р. Робы Великосельской и этим зимником пользуются до наших дней. Кроме того, из района д. Великое Село и Залучье на р. Робе Великосельской кратчайший выход на р. Ловать был именно к д. Ляховичи через упомянутые мхи (дороги здесь показаны на картах XIX в.). Тем самым волостка XII в. лежала вдоль древнего пути, а Ляховичи замыкали начало этого пути на Ловати, играя ключевую роль. Чтобы подчеркнуть значение пункта, напомним, что путь из Новгорода через Мореву и Велилы, а далее через Буйцы являлся сухопутной дорогой к Торопцу, Смоленску и Киеву.²³ В «Выписи из Новгородских изгонных книг» XVI—XVII вв. сухопутный путь от Новгорода до Старой Руссы, затем «до Моревы Русы до рятку» на р. Поле и далее назван одной из смоленских дорог и показан на карте, состав-

---

²³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 120, 163, 164.

ленной И. А. Голубцовым, впервые опубликовавшим «выпись», проходящим как раз через рассматриваемый нами район.²⁴

На Ловати зоны славянского расселения и соответственно вовлечения земель в хозяйственный оборот на конец I тысячелетия н. э. четко маркируются распространением таких погребальных памятников, как сопки (VIII—X вв.), и связанных с ними поселений. Район достаточно хорошо обследован, и возможные археологические пропуски здесь минимальны.²⁵ Основу хозяйства населения культуры сопок составляло переложное земледелие на берегах Ловати и широкое использование речных пойм.²⁶ Скопление земледельческого населения прослеживается от д. Коровитчино, где начинаются обширные поймы и удобные для земледелия берега реки, до д. Раково, находящейся несколько ниже по течению Ловати от г. Холма. Центр этого среднеловатского скопления приходится на район известного Курского городища и групп сопок Середка—Залучье—Теребьи.

В пределах волости Юрьева монастыря в границах XV в. на Ловати зафиксировано несколько групп сопок. Прежде всего это сопки у д. Коровитчино. Здесь известно 10 насыпей, распадающихся на три группы, и четыре синхронных им поселения. Ниже д. Коровитчино на Ловати нет ни единой сопки. Без сомнения, древние поселки в районе Коровитчино занимали особое место в системе славянского расселения в районе. Выше по течению в 3 км две сопки находятся у д. Кулаково,

---

²⁴ Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгород Великого в XVI—XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // *Вопр. географии*. М., 1950. Т. 20. С. 299 и карта.

²⁵ Ивановский Л. К. Материалы для изучения курганов и жальников юго-запада Новгородской губернии // *Тр. II Археол. съезда*. М., 1881. Т. 2. С. 58—67; Смирнов С. М. Археологическая экспедиция на р. Ловать летом 1928 г. // *Материалы и исследования: Новгородский государственный музей*. Новгород, 1930. Вып. 1. С. 7—19; Седов В. В. Новгородские сопки // *САИ*. 1970. Вып. Е1-8. Каталог; Конецкий В. Я., Клубова О. В. Работы областной экспедиции Новгородского музея // *Новгород и Новгородская земля: История и археология: Тез. науч. конф.* Новгород, 1989. Вып. 2. С. 12—14; Артамонов М. И. Отчет о палеознтологической рекогносцировке по р. Ловати в пределах Великолуцкого и Новгородского округов в 1928 г. (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, 1928, № 111).

²⁶ Долоуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI—X вв. // *Новое в археологии Северо-Запада*. Л., 1985. С. 21, 22; Носов Е. Н. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // *Славяно-русские древности*. Л., 1988. Вып. 1. С. 21 и след.; Конецкий В. Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // *НИС*. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 11 и след.

а еще выше, через 2,5 км — крупная группа у д. Лука (7 сопки). Можно достаточно уверенно утверждать, что в X в. берега Ловати от д. Коровитчино до д. Лука были освоены земледельческим населением. Однако подчеркну, что как раз у д. Ляховичи обширный участок Ловати оставался свободным. В эпоху сопки, как показывают наблюдения В. Я. Конецкого, нижняя Ловать была заселена лишь там, где к широким, но уже достаточно высоким поймам примыкали береговые террасы, сложенные песками и суглинками, а в Ляховичах иная ситуация — коренной берег сложен тяжелой глиной, а сама пойма сырая, переувлажненная.²⁷ Такие угодья прекрасны для скотоводства, но не для стабильного земледельческого хозяйства, тем более на его начальных стадиях.

Картина освоения территории к востоку от Ловати отличалась от той, что наблюдается на главной реке района. Бассейн р. Робьи Великосельской, особенно в ее верховьях, и сейчас предстает довольно глухой местностью с густыми лесами, обширными верховыми болотами, узкими долинами Робей. Еще в начале XX в. в Ляховичском и Залучском лесничествах леса стояли «густой стеной почти по всей их площади, прерываемые реками да небольшими полянами».²⁸ Хотя в сводах И. С. Романцева и В. В. Седова здесь названо 4 пункта местонахождения сопки (Избитово, Хмели, Пинаево Горки, Закорыто),²⁹ проверка достоверности сведений показала, что на самом деле речь идет или о естественных буграх (Избитово, Хмели), или о жальничных всхолмлениях. Указанные районы в X в., в эпоху сопки, оставались безлюдными. Данных о их заселенности в XI в. также нет.

Во время археологического обследования 1987 г. в Ляховичах нам не удалось обнаружить ярко выраженных слоев древнерусского времени, что свидетельствует о незначительности здесь поселений этого периода. Ясно и то, что тут отсутствовали какие-либо укрепления. Нет таких городищ и на всей территории волости ни в границах XII в., ни в более широких границах XV в.

---

²⁷ Конецкий В. Я. Население долины р. Ловать в процессе сложения первоначальной территории Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля : История и археология : Тез. науч.-практической конф. Новгород, 1988. С. 27, 28.

²⁸ Пылаев В. А. Старорусский край. С. 56.

²⁹ Романцев И. С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губ. Новгород, 1911. С. 69, 70, 71, 79; Седов В. В. Новгородские сопки. С. 36. № 64, 67, 68.

Княжеский домен, как показал В. Л. Янин, возник между Селигером и Ловатью около рубежа XI—XII вв.³⁰ В районе Ляховичей в его состав вошли глухие лесные места вдоль сухопутного пути из Новгорода и Руссы к Смоленску и Киеву и небольшой незаселенный участок на самой Ловати с удобными пойменными выпасами. Активное хозяйственное освоение этой территории началось не ранее XI в., уже после ее включения в состав княжеского домена и основания Ляховичей, как княжеской заставы и села при отходе сухопутной дороги от Ловати к Робею Ильмной. Таким образом, княжеское «установление» Ляховичей указывает на один из путей образования в XI в. погоста и соответствует тем определениям погостов, которые характеризуют их «как специально построенные дворы или назначенные села, в которых останавливались князья или княжие мужи, собиравшие дань».³¹

В грамоте XII в. мы встречаем определение — «Терпужский» погост Ляховичи. С чем это связано? Никакого Терпужского погоста мы по письменным источникам не знаем. В. Л. Янин, упоминая о наличии на р. Ловати в 18 км выше Ляховичей д. Теребыни, пишет: «Не исключено, что она в XII в. являлась центром погоста, однако такое предположение нечем подтвердить».³² Ученый правильно обратил внимание на данный пункт, а подтверждают его значение в древности археологические материалы.

Я уже отмечал, что земледельческое население культуры сопки к X в. плотно освоило берега р. Ловати и центр этого скопления находился в районе сопочных групп Середка—Залучье—Теребыни. В Середке известно 5 сопок, в Залучье — 2, а в Теребынях — 7 насыпей близ деревни и еще одна выше по течению.³³ Таким образом, Теребыни выступают как одна из самых крупных сопочных групп на Ловати. При сопках в Теребынях открыто обширное селище, продолжавшее существовать и в древнерусское время, а рядом с одной из сопок — жальник, небольшие раскопки которого, проведенные в 1983 г. В. В. Мильковым, позволили датировать захоронения XI—XV вв.

³⁰ Янин В. Л. 1) Новгородская феодальная вотчина. С. 245; 2) Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России. М., 1987. С. 132.

³¹ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 63, 64.

³² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 236.

³³ Смирнов С. М. Археологическая экспедиция... С. 11—12; Седов В. В. Новгородские сопки. С. 35. № 54, 55; Гей Н. Н. Отчет о работе Ловатского отряда Ильменской экспедиции 1981 г. (Архив Археологического отдела Новгородского историко-архитектурного музея, Ф.-1, 1981, № 101).

(сведения В. Я. Конецкого). Есть все основания предполагать, что в X—XII вв. административный центр ловатской группы славян был в Теребных. Не случайно, что и городок Кур (Курское городище) — центр Ловати эпохи развитого средневековья располагался поблизости от Теребных, на противоположном берегу реки. Одним словом, Ляховичи в XII в. входили в состав более крупного административного образования с центром в Теребных (Теребуновского погоста).

Ляховичи, писал Б. Д. Греков, это княжеская доменальная земля, а «люди и кони» — здесь княжеское имущество.³⁴ Согласился с Б. Д. Грековым и А. А. Зимин. Сопоставив формулы грамоты Варлаама Хутынского монастырю 1192 г. о передаче земли «и с челядью, и с скотиною» и грамоты Всеволода на Терпужский погост Ляховичи «с землею, и с людьми, и с конями» и указав на их сходство, А. А. Зимин пришел к выводу, что под «людьми» в грамоте Всеволода скрывается та самая «челядь», которую упоминал Варлаам, и жалованная грамота Юрьеву монастырю «первый дошедший до нас источник, который называет холопов «людьми».³⁵ Справедливо мнение И. Я. Фроянова, что сама формула грамоты Всеволода («и с людьми, и с конями») «скорее указывает на личный характер зависимости людей от князя, нежели на какой-нибудь иной».³⁶ Правильно характеризует Ляховичи как небольшое княжеское владение, где жили холопы и содержались кони, А. Л. Шапиро, хотя

³⁴ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. С. 264.

³⁵ Зимин А. А. Холопы на Руси. С. 262.

³⁶ Фроянов И. Я. Киевская Русь. С. 10, 11. И. Я. Фроянов предположил, что «наименование погоста Ляховичи, очевидно, происходит от слова «ляхи», т. е. «поляки». Видимо, население погоста состояло из пленников, вывезенных из Польши» (там же. С. 80). Мне представляется более правильным иное объяснение появления данного названия. Топоним «Ляховичи» имеет явное патронимическое окончание ичи, которое было широко распространено в названиях населенных пунктов Новгородской земли и восходит к личным именам. Имя Лях было известно в Северной Руси. Оно встречается в новгородской берестяной грамоте второй половины XIII в., в новгородских писцовых книгах XV в., в торопецкой писцовой книге 1540 г. (Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С. Новгородская экспедиция // АО. 1984. М., 1986. С. 35; НПК. Т. 2. Стб. 518—522, 582, 584; Торопецкая грамота 1540 года // АЕ. 1963. М., 1964. С. 340). В Новгородских писцовых книгах деревни Ляховичи упомянуты в Деревской пятине на реках Ловати и Поле, д. Ляхово — в Водской пятине, д. Ляхово — в Шелонской пятине (НПК. Т. 2. Стб. 618, 758—760; Т. 3. Стб. 150; Т. 4. Стб. 267). Немало деревень с названиями Ляховичи, Ляхово, Ляхново указано в списках населенных мест Новгородской и Псковской губерний (Список населенных мест Российской империи. Т. 34 : Псковская губерния. СПб., 1885. С. 581; Список населенных мест Новгородской губ. Вып. 2 : Демянский уезд. Новгород, 1909. С. 87; Вып. 3 : Старорусский уезд. Новгород, 1909. С. 130 и др.).

он явно ошибочно отождествил Ляховичи на Ловати и десяток Ляховичи в волости Велила на р. Поле, на что справедливо указал В. Л. Янин.³⁷

Итак, в свете проведенного археологического обследования района и детального рассмотрения границ волостки XII в. можно сделать общий вывод, что княжеское владение Ляховичи образовалось на основе «заимки» князем небольшого глухого, земледельчески не освоенного участка вдоль сухопутной дороги от р. Ловати к р. Поле. На Ловати было основано селение, контролировавшее дорогу и заселенное холопами. На обширной пойме Ловати располагались удобные выпасы для княжеских коней, а в лесах вдоль Робей тянулись охотничьи и бортные угодья. Грамота на Терпужский погост Ляховичи определенно свидетельствует, что одним из способов земельного стяжания на Руси был захват пустых лесных массивов. В литературе неоднократно отмечалось, что при передаче в собственность Юрьеву монастырю волостки Ляховичи не был указан судебный иммунитет.³⁸ Это вполне естественно, поскольку, как показало археологическое обследование волостки, в ней, за исключением самих Ляховичей на Ловати, отсутствовало население.

Думаю, что, передавая Ляховичи Юрьеву монастырю, князь отдавал в первую очередь право контроля над сухопутной дорогой от Новгорода «в Русь» и получение соответствующих доходов. Однако это означало и право на последующее земледельческое освоение этих мест. Заселение волостки по берегам Робей и их притокам происходило зависимыми от монастыря «людьми» уже после акта дарения. Тем самым княжеское пожалованье послужило основой формирования монастырской вотчины.

К XV в. монастырь значительно увеличил размеры своих владений в северном направлении, причем в первую очередь за счет общинных земель раннего земледельческого освоения. К нему перешли пашенные угодья и обширные поймы по Ловати вплоть до устья р. Робьи Великосельской (районы расположения групп сопок у д. Лука, Кулаково, Коровитчино), местности в низовьях рек Робьи Великосельской и Робьи Заробской и по р. Закорытне. В состав вотчины был включен и такой значительный населенный пункт, как Коровье Село, основанный еще в конце I тысячелетия н. э.

³⁷ Шапиро А. Л. Складывание крупного вотчинного землевладения. С. 67; ср.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 239.

³⁸ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества... С. 147.

Границы южной части волости монастыря принципиально соответствовали границам XII в., хотя и они несколько изменились. Так, согласно вполне определенным свидетельствам грамоты XII в., граница юрьевской волостки проходила по верховьям ручья Лебединца и с верховьев ручья Городни по его одной стороне до р. Робьи, а в XV в. д. Лебединец в верховьях одноименного ручья и д. Гадово на правом берегу Городни упомянуты уже как принадлежащие Хутынскому монастырю.³⁹

К концу XV в. на р. Ловати сложилась новая система административного деления и рассматриваемая волостка Юрьева монастыря входила в Черенчинский погост, в то время как «Теребуновский погост Ляховичи» в писцовых книгах XV в. уже и не упоминается (хотя замечу, что Черенчинский погост принадлежал Курскому присуду, центр которого городок Курск располагался неподалеку от Теребынь).

Проведенное исследование показывает, что формирование крупной монастырской вотчины представляло динамичный процесс и ляховичская волость Юрьева монастыря на Ловати не оставалась неизменна на протяжении XII—XV вв. Возникнув на основе княжеского пожалования глухого лесного участка вдоль дороги от р. Ловати к р. Поле, она значительно выросла к концу XV в. за счет земельных стяжаний монастыря и включения в нее ранее свободных общинных земель, освоенных славянами в конце I тысячелетия н. э.

---

³⁹ НПК. Т. 2. Стб. 611—612. Деревни находились в совместном владении с Василием Кузьминным.